— Если она не вернется, если с ней что-то случится, как же это жалко.

Лю Хайтао немного нерешительно произнес:

— Но мы же воткнули ключ в косяк ее двери, она, наверное, увидит и зайдет…

Однако, столкнувшись взглядом с жалким видом женщины, он неожиданно смягчился и сказал:

— Ну… ладно…

Его слова еще не затихли, как ленивый и холодный женский голос неторопливо донесся откуда-то сверху:

— Что, уже почти одиннадцать, а ты все еще зовешь его на улицу? Если с ним что-то случится, ты отвечать будешь?

Цзян Ли и Чу Мо Жань спускались по лестнице друг за другом.

Уголки губ Цзян Ли изогнулись в насмешливой улыбке, и она продолжила:

— Если тебе так приспичило кого-то искать, сама бы и шла.

Чжан Пань закусила губу и долго не могла вымолвить ни слова.

— Я…

Спустя мгновение она, отмахиваясь и пятитясь, произнесла:

— Т… тогда я лучше вернусь к себе, извините, что побеспокоила брата Лю.

Сказав это, она опустила голову и вернулась в свою комнату.

В никем не замеченном углу в ее глазах промелькнул свирепый огонек.

Цзян Ли бросила взгляд на все еще замершего на месте Лю Хайтао, молча вернулась в комнату и захлопнула дверь.

— Меньше верь ей.

Раздался холодный женский голос, и ледяная аура мгновенно остудила Лю Хайтао. Он вздрогнул и пришел в себя.

Он совершенно не смел смотреть на Чу Мо Жань, напоминавшую тысячелетний ледник, а лишь поспешно и дрожа закивал:

— Х… хорошо.

Услышав это движение, Цзян Ли почувствовала себя несколько озадаченной. С чего бы ей вдруг заговорить с другими — раньше за ней такого не замечалось, да и какова была ее цель на этот раз, оставалось загадкой.

Нарочно разыгрывает спектакль для нее?

Цзян Ли тихо фыркнула.

Вот уж не понять этих бездельников, которые веками палец о палец не ударяли. И зачем только те старые чудища из Управления подослали следить за ней?

В любом случае, придет беда — откроем ворота, придет вода — возведем дамбу, посмотрим, какие еще новые фокусы они способны выкинуть.

Цзян Ли еще раз тщательно проверила всю комнату сверху донизу.

Вещи остались на прежних местах, никаких улик обнаружить не удалось. Время как раз приблизилось ровно к одиннадцати часам.

Внезапно свет погас, словно от прикосновения невидимой руки, и вокруг воцарилась мертвая, кромешная тьма.

Цзян Ли лежала на кровати, мысленно прокручивая в голове всё, что произошло за сегодня.

Странно ведущая себя женщина; Ван Лофэн, который выглядит стреляным воробьем, но даже не догадался сходить на ресепшн насчет ванной; высокомерная женщина, чья жизнь и смерть теперь под вопросом; и наконец, высохший труп, превращенный в обогреватель для ванной.

Всё это безоговорочно таило в себе бесчисленные подозрения. Казалось, что-то едва мелькнуло в сознании, но когда она попыталась ухватить мысль, в руках ничего не осталось.

В воздухе тихо поплыл аромат лаванды — мягкий, словно легкое перышко, он нежно касался щек девушки, напоминая тихую колыбельную.

Вскоре послышалось ровное дыхание.

В безмолвном больничном коридоре вдруг разнеслась нежная песенка, нарушая ночную тишину.

— Раз, два, три, скорей смотри, люди в селе пропали,

Четыре, пять, шесть, странно ведь здесь, куда они убежали, кто отгадает~

— Семь сов кричат на суку, восемь летучих мышей кружат в ночном кругу, девять звезд подмигивают шутя, десять облаков скрыли лунный свет…

Голосок звучал сладко, совсем как у маленькой девочки.

— Плюх-плюх, буль-буль…

По мере того как песенка становилась всё громче, в конце коридора раздался тяжелый и пронзительный скрежет металла.

Шум нарастал, казалось, к нему приметалось всё больше металлических звуков, но он был не в силах разбудить спавших людей.

Цзян Ли резко открыла глаза, но вместо розовой комнаты ее взору предстала оживленная трапеза.

Вокруг царило веселье, отовсюду доносился смех. Каждые столы были накрыты красными скатертями и ломились от разнообразных деревенских яств — пусть и простых, но источавших аппетитный аромат.

Они явно что-то праздновали.

Цзян Ли невозмутимо окинула взглядом обстановку: за ее столом сидели облаченные в грубые льняные одежды загорелые сельчане.

К ее удивлению, за другими столами она то тут, то там заметила остальных игроков.

Не успела она отыскать взглядом всех, как сидевший рядом с ней мужчина с крупной родинкой на носу поднял пиалу с вином и обратился к ней:

— Старик Цзян, в этой вылазке есть и твой вклад. Хватит витать в облаках и грезить о прекрасной жизни, давай-ка опрокинем по чарке с братией!

Цзян Ли медленно подняла голову. Встретившись взглядом с простодушными улыбками крестьян, она взяла со стола свою пиалу с дешевым пойлом.

— Пьем!

Сельчанин удалò опрокинул пиалу до дна.

Цзян Ли бросила на него косой взгляд и со звуком шлепка выплеснула вино из своей чаши прямо на землю у него на глазах.

А тот мужик, словно вовсе ничего не заметил, залился дурашливым смехом. На его лице проступил нее румянец, и он громко произвел:

— Старик Цзян, а ты лих!

— Только вот среди мужиков из нашей деревни трусов не водится!

С этими словами он отправился выпивать с остальными за соседними столами.

— Пейте все, пейте на здоровье, веселитесь от души!

Сидевший за центральным столом молодой человек в френче встал со своего места. Подняв пиалу с белым вином, он широким жестом обошел всех с тостом, а затем осушил чашу махом.

— Сегодня у нас праздник в честь сбора нового урожая высококачественных результатов. Не стесняйтесь, гости дорогие, угощайтесь на славу, ешьте и пейте вволю!

— Однако…

Тон его внезапно переменился, в голосе прорезалась зловещая нотка:

— Среди нас затесались чужаки.

Его слова заставили сердца нескольких игроков ухнуть вниз.

Молодой человек с аккуратной короткой стрижкой сузил глаза, и золотая оправа его очков сверкнула опасным блеском.

Он отдал приказ:

— Хватите их, не давайте им сбежать!

Едва затихли его слова, как за несколькими столами крестьяне, еще мгновение назад пившие и евшие, внезапно начали заваливаться набок в судорогах. Их шеи свернулись под невообразимым углом.

Они принялись изо всех сил рвать собственную кожу на шее голыми руками. По мере того как напор нарастал, на их лицах проступало выражение дикой боли, глаза вылезли из орбит, казалось, еще чуть-чуть — и глазные яблоки разорвут кожу.

С сухим хрустом плоть мгновенно разорвалась, кости переломились, и в конце концов они полностью оторвали себе головы.

Зажав в руках собственные головы за волосы, они на скрученных телах окружили игроков, сидевших за их столами.

Хотя они и свернули себе головы, на землю не упало ни единой капли крови, и вся эта сцена выглядела сюрреалистично и жутко.

Игроки были насмерть перепуганы столь внезапной переменой.

Особенно та самая женщина, что сбежала первой: у нее подогнулись колени, она рухнула на землю и завосила от ужаса:

— Уйдите! Уйдите прочь!

Видя, что монстры вот-вот схватят ее, она поползла на четвереньках, размазывая по лицу слезы и сопли. От ее изысканного макияжа не осталось и следа.

Ползя вперед, она случайно подняла глаза и увидела спасающегося бегством Ван Лофэна. В ее глазах вспыхнула искра надежды, она вцепилась мертвой хваткой в его штанину и завопила во всю мочь:

— Спаси меня! Спаси, я верю тебе! Я верю тому, что ты говорил!

— Ко… когда мы выберемся отсюда, я дам тебе миллион! Нет-нет, пять миллионов! Честное слово, клянусь! Только спаси меня!

Ван Лофэн и сам панически боялся. Видя, что чудища настигают их, а эта дура вцепилась в него мертвой хваткой, он почувствовал, как в нем закипает свирепость.

Он со злостью пнул женщину в грудь. Та отлетела назад прямо в кучу омерзительных монстров, широко распахнув глаза от потрясения.

— Нет! Нет! Ты не можешь так поступить! Ты не смеешь бросить меня умирать!

— Я ненавидеть тебя буду! А-а-а, я ненавижу тебя…

Она не успела договорить, как монстры разорвали ее на куски и подчистую сожрали.

Несколько чудовищ сначала разодрали ее нежную плоть на длинные полоски и набили ими оторванную голову, которую держали в руках.

Раздалось чавканье — они принялись пережевывать плоть, и кровь рекой потекла по голове на землю, окрашивая почву в багровый цвет.

http://bllate.org/book/20714/2071925